

О. П. ТРУБАЧЕВ

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Общеславянский этимологический словарь, традиционное построение; современное состояние вопроса; сравнение с романскими и германскими этимологическими словарями; компромисс при составлении этимологического словаря; специфика славянской этимологии

1. История составления этимологических словарей славянских языков, как известно, открывается появлением общеславянских этимологических словарей Фр. Миклошича и Э. Бернекера. «Этимологический словарь славянских языков» Фр. Миклошича¹, игравший длительное время выдающуюся роль при изучении славянской лексики, был в значительной степени (если не полностью) заменен словарем Э. Бернекера². В нашу задачу не входит обсуждение исключительно этимологической стороны словаря Бернекера, которая, кстати сказать, отличается высоким научным уровнем, получила в свое время прекрасную оценку и сохраняет большое значение до настоящего времени. В данном случае нас интересуют в первую очередь принципы, на которых строится словарь как таковой. Еще первые критики словаря Бернекера указывали, что этот словарь построен в общем совершенно так же, как словарь Фр. Миклошича, представляя некоторым образом коллекцию исконных и заимствованных, древних и поздних слов разных славянских языков. В предисловии к словарю Э. Бернекер указывает, что он стремился исчерпать исконную общеславянскую лексику всех славянских языков, объединяя всякий раз родственные формы под общеславянской праформой; в словарь включено также большое количество заимствований, среди которых есть как общеславянские и ранние заимствования отдельных славянских языков, так и новые заимствования. Необходимость включения последних Э. Бернекер оговаривает для тех случаев, когда слова представляют «особенный интерес», добавляя, что во многих случаях решающим соображением являлся учет потребностей начинающих славистов. Это приводило к тому, что в словаре нашло место значительное количество недавних западных заимствований в польском и русском языках, а также множество турецких заимствований в южнославянских языках. Такой состав не мог не сообщить работе Э. Бернекера, воспринимаемой обычно как общеславянский этимологический словарь, определенного отпечатка теоретической невыдержанности, на что указал А. Мейе сразу же после ознакомления с первыми выпусками словаря³.

¹ F. Miklosich, Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen, Wien, 1886.

² E. Berneker, Slavisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I (A—L), Heidelberg, 1908—1913.

³ См. его рецензию на словарь Э. Бернекера в журнале «Rocznik slawistyczny» т. II (Kraków, 1909).

2. Следует признать, что истекшие со времени издания словаря Э. Бернекера сорок с лишним лет внесли мало нового в разработку проблематики общеславянского этимологического словаря. Прежде всего остался незаконченным и сам словарь Э. Бернекера, а новые замыслы такого рода оказывались недогловечными и не доживали до своего осуществления. Здесь можно вспомнить о планах А. Мейе и Я. Розвадовского, об обширных рукописных материалах к славянскому этимологическому словарю, которые оставил Г. А. Ильинский. Известно, что И. М. Коржинек был намерен окончить словарь Э. Бернекера и вел определенную работу в этом направлении. Возможно, данное обстоятельство дает право заключить, что принципы построения словаря, примененные Э. Бернекером, по-прежнему считались наиболее приемлемыми. К сожалению, при обсуждении проблем, связанных со славянским этимологическим словарем, которое имело недавно место у нас и в Чехословацкой Академии наук (в январе 1954 г.)¹, как-то обошли вопрос оценки принципов Э. Бернекера и, собственно говоря, не дали достаточно конструктивных указаний относительно построения общеславянского этимологического словаря. Предложения Р. А. Ачаряна, имевшего большой собственный опыт создания этимологического словаря армянского языка, в известной мере оригинальны, но плохо учитывают специфику славянского словаря. Нельзя строить общеславянский этимологический словарь на основе одного из современных славянских языков.

Кажется, наиболее серьезно в последнее время относятся к идее создания славянского этимологического словаря чехословацкие слависты. Опытный этимолог В. Махек выступил в печати со статьей, посвященной проблематике славянского этимологического словаря². В. Махек указывал на необходимость составления подобного синтетического труда по славянским языкам. Однако он так и не затронул проблематики построения славянского этимологического словаря как таковой и не определил во всяком случае своего отношения к соответствующим принципам Э. Бернекера, ограничившись в статье проблематикой этимологических исследований. В докладе на вышеупомянутой конференции В. Махек полнее изложил программу этимологического словаря. Сообщив о намерении использовать в предстоящей работе материалы И. М. Коржинека, собиравшегося завершить труд Э. Бернекера, В. Махек охарактеризовал цель подготавливаемого словаря: полностью объяснить словарный состав славянских языков, причем должны быть привлечены и важнейшие диалектные слова. Последний момент оказался в центре развернувшейся затем дискуссии, во время которой указывали на большую разнородность диалектного материала; многие участники предлагали привлекать диалектизмы ограниченно, лишь при условии их значимости в сравнительном отношении. Оригинальную точку зрения представил на дискуссии А. В. Исаченко, высказавшийся за концентрацию усилий на этимологическом словаре какого-либо отдельного славянского языка — чешского или старославянского. В общем, судя даже по сжатоному отчету «Славии», дискуссия была интересной и важной; в частности, можно, отнюдь не предпрещая успеха коллективного труда Чехословацкой Академии наук по созданию славянского этимологического словаря, признать весьма симптомати-

¹ См.: Р. А. Ачарян, О составлении этимологического словаря славянских языков, ВЯ, 1952, № 4; В. И. Абаев, О принципах этимологического словаря, ВЯ, 1952, № 5; М. Н. Петерсон, О составлении этимологического словаря русского языка, там же. См также «Slavia», ročn. XXIV, seš. 1, 1955, стр. 141—145 (под рубрикой «Zprávy. Konference o slovníku jazyka staroslověnského a o etymologickém slovníku jazyků slovanských»).

² V. Machek, O potřebě a problematice slovanského etymologického slovníku, «Slavia», ročn. XXII, seš. 2—3, 1953.

ческими выступления, в которых, с одной стороны, было указано на трудность решения проблемы диалектизмов в подобном словаре, а с другой, выражалось сомнение в целесообразности славянского этимологического словаря как такового.

3. Сопоставление состояния славянской этимологической лексикографии с положением в германской и романской может дать любопытные выводы. Такое сопоставление оправдано тем, что в судьбе этих трех групп языков много близкого: общее индоевропейское происхождение, развитие из отдельного группового праязыка, отсутствие в настоящее время этого праязыка. Особенно интересно отметить состояние этимологической разработки германской группы языков. Как известно, германский этимологический словарь, собственно говоря, отсутствует, зато имеется целый ряд этимологических словарей отдельных германских языков: немецкого, голландского, английского, датского, норвежского, шведского, исландского, готского. Отсутствие современного общегерманского этимологического словаря не представляется нам случайным. Известная лексическая самостоятельность современных германских языков сообщает опытам создания общегерманского этимологического словаря характер нереального свода¹. Большая однородность славянских языков имеет своим следствием то, что идея славянского этимологического словаря продолжает десятилетиями жить в умах славистов, хотя до настоящего времени не нашла своего реального воплощения, отвечающего современным требованиям. Дело, очевидно, в том, что принципиального различия между положением в германской и славянской группах языков нет. С другой стороны, обе названные группы языков диаметрально противостоят романской группе, в которой мы имеем дело с редкостной сохранностью традиции, когда налицо все звенья цепи — от праязыка до современных романских языков. В сущности развитие во всех трех случаях протекало совершенно аналогично, имея своим источником один праязык, но есть существенное различие, которое приобретает особое значение в вопросе составления этимологического словаря каждой из названных групп. Это различие заключается в том, что в основе романских языков лежит единый культурный язык организованного государства (имевший письменность), в то время как прагерманский и праславянский языки никогда не представляли такого единства. Несомненно, что древняя диалектная разнородность отражалась также в словаре. Во всяком случае, постоянный учет этой древней разнородности гарантирует от серьезных заблуждений, неизбежных, если предполагать единые праязыки также для таких групп, как германская и славянская².

Э. Бернекер, создавая этимологический словарь славянских языков, решил задачу искусственно, хотя вполне возможно, что сама специфика проблемы и условия того времени не давали ему возможности иного решения. Это особенно бросается в глаза при сравнении словаря Бернекера с любым латинским этимологическим словарем (А. Вальде или А. Эрну-А. Мейе). Принципиальное сходство общеславянского и латинского словарей в том, что оба — словари мертвых родоначальников семей родственных языков. Но письменная засвидетельствованность латинского языка значительно меняет положение вещей. Этимологический словарь латин-

¹ Большеей реальностью отличаются, видимо, опыты этимологической обработки отдельных ветвей германской группы; ср.: F. Holthausen, *Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch des Altwestnordischen, Altnorwegisch-isländischen...*, Göttingen, 1948; еще раньше: H. S. Falk und A. Torp, *Norwegisch-dänisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1910—1911.

² Ср. В. Пизани, *Этимология. История—проблемы—метод*, перевод с итальянск., М., 1956, стр. 52—53.

ского языка неизбежно реалистичен по своему составу: он отражает реально засвидетельствованную лексику. Для общеславянского языка ничего подобного не существует. Это, казалось бы, внешнее различие между общеславянским и латинским языками ощущимо сказывается на характере соответствующих словарей. В итоге славянский этимологический словарь в его известной форме представляет довольно причудливое смешение по крайней мере двух словарей: типа латинского этимологического словаря и типа романского этимологического словаря В. Мейер-Любке. Мы привыкли видеть в словаре Э. Бернекера как нечто полегающее огромное количество поздних заимствований. Подсчеты, результат которых может, очевидно, колебаться в известных пределах, показывают, что в словаре Э. Бернекера содержится: общеславянских слов и ранних заимствований 1050, слов, известных отдельным славянским языкам, 103, поздних заимствований (главным образом отдельных славянских языков) 1278, неясных по происхождению слов 227.

Отсюда следует, что на общее число слов в словаре Э. Бернекера (2658) приходится 1278 поздних заимствований, т. е. словарь почти на половину занят словами, не имеющими никакого отношения к общеславянской лексике. Разумеется, это анахронизм, который трудно извинить даже мотивами объединения всех этимологий в одном справочнике. Это становится особенно заметным при сравнении с латинским этимологическим словарем, который есть одновременно словарь общероманский; мы не найдем в этимологическом словаре латинского языка всех слов современных романских языков, требующих этимологического изучения, по той естественной причине, что их не знал латинский (общероманский) язык. К ним относятся все слова, не имеющие общероманского характера: славянизмы румынского языка и других романских диалектов Балкан, галльская лексика французского языка, большое количество германских заимствований французского и итальянского языков, среди которых многие заимствованы очень рано, и др. Именно в правильном отборе общероманской лексики как основного ядра словаря выражается реалистический характер латинского этимологического словаря. В этом свете славянский этимологический словарь Э. Бернекера нельзя не признать составленным искусственно. В методологическом отношении он уже с самого начала не мог не стоять ниже любого латинского этимологического словаря.

Наиболее оправданным в такой ситуации был бы, по-видимому, этимологический словарь праславянского языка, для чего потребовалось бы — в качестве первого этапа — составление праславянского словаря¹. Однако нельзя не заметить, что подобный умозрительно составленный праславянский словник будет иметь весьма относительную ценность. Исходить в случае со славянскими языками из какой-то идеально понятой общей базы и создавать на этой базе славянский этимологический словарь — значит так или иначе поставить под вопрос включение многих слов, общеславянский характер которых проблематичен. В настоящее время, когда не учтен еще удовлетворительно материал всех славянских языков в отдельности и, тем более, когда этот материал еще не получил достаточно исчерпывающей обработки в этимологических словарях отдельных славянских языков, упомянутый синтез вряд ли будет полезен. К тому же в итоге такой сводной работы возникнет своеобразная фикция. Подобной фикцией еще в большей степени является любой, даже лучший современный индоевро-

¹ Сообщают, что в Кракове под руководством Т. Лер-Силавинского готовится праславянский словарь, который должен отразить всю лексику праславянского языка конца его существования (см. F. Sławiński, Z doświadczeń przy pracy nad Słownikiem etymologicznym języka polskiego, «Język polski», t. XXXVI, zes. 4, 1956, стр. 275).

пейский этимологический словарь ввиду неизбежных в нем значительных искусственных хронологических смещений. Правда, считается, что в рабочем порядке обобщающий свод такого рода для индоевропейских языков приемлем и в известном смысле полезен.

4. Естественно, что в составлении этимологического словаря присутствует определенная доза компромисса. Авторы первых таких трудов были вынуждены прибегать к компромиссу чрезвычайно часто, что диктовалось условиями работы и практическими соображениями. Э. Бернекер отдавал себе отчет в компромиссном характере своего словаря. Тогда еще не было этимологических словарей отдельных славянских языков, и Э. Бернекер, естественно, стремился в этих условиях дать как можно больше материала. Многие из прежних трудностей сохраняются и в наше время. Так, например, мы, очевидно, не сможем достичь такого уровня разграничения проблематики, который отличает романскую этимологию. Благоприятные условия последней позволяют четко разграничивать, например, латинский и французский этимологические словари. Более того, не менее четко различаются латинский и романский этимологические словари, причем первый содержит ретроспективное исследование общероманской лексики на индоевропейском сравнительном фоне, а второй — скорее преломление и развитие той же общероманской лексики в жизни отдельных романских языков.

Замечательно при этом то, что, например, романский этимологический словарь не повторяет материала и методов латинского этимологического словаря, а французский или испанский этимологические словари, в свою очередь, не повторяют, как правило, материалов романского этимологического словаря. Каждый из них занимается своей этимологической проблематикой. При таком чрезвычайно четком различении форм в максимально благоприятных условиях непрерывной письменной традиции компромисс сводится практически к минимуму. В. Мейер-Лübке точно указывает круг не привлекающихся слов¹. Хотя для славянской этимологии многое из перечисленных преимуществ является недостижимым, но естественное стремление совершенствоваться тип славянского этимологического словаря предполагает и здесь сведение компромисса до минимума. В частности, это должно выражаться в определении соотношений между общеславянским этимологическим словарем и этимологическим словарем отдельного славянского языка.

5. Пожалуй, именно для этимологии романских языков характерно столь четкое разграничение между ретроспективной этимологией латинской (общероманской) лексики с обязательным выходом в индоевропейскую этимологию и собственно романской этимологией — также большой самостоятельной областью, определяющей лицо этимологических словарей отдельных романских языков и синтетических этимологических словарей вроде труда В. Мейер-Лübке. Кроме уже известных списочных условий, это объясняется значительным фонетическим развитием современных романских форм, для объединения которых вокруг латинской праформы очень часто требуется целое этимологическое исследование. Так, из лат. *turbāre* «возмущать, волновать» произошли итал. *trovare* «находить, захватить, встречать» и франц. *trouver* «находить», но их происхождение настолько затуманено фонетическим и особенно своеобразным семантическим развитием, что для его определения потребовались, как рассказывают, напряженные искания Г. Шухардта, результатом которых явилась его блестящая, убедительная этимология в духе принципа

¹ W. Meyer Lübke, *Romanisches etymologisches Wörterbuch*, 3-e Aufl., Heidelberg, 1935, стр. VIII.

«Wörter und Sachen». Г. Шухардт объяснил семантическое развитие этих слов в плане рыболовецкой терминологии: «волновать, мутить воду» > «находить, ловить рыбу в мутной воде» > «находить (вообще)»¹. Только этимология может, например, установить, что франц. *aisé* «удобный, покойный» восходит к лат. *adjacens* «окрестность, свободное пространство». Такие примеры исключительно типичны для романской этимологии в целом.

В славянской этимологии мы находим несколько иное полуживое. Письменная история здесь короче, и праязык не сохранился, но главное, видимо, не в этом, а в более глубокой специфике славянского языкового развития, выражающейся в относительном консерватизме и, следовательно, сравнительной прозрачности словообразовательных связей и большем единообразии форм по славянским языкам. Возвести русское, польское или сербское слово к общеславянской форме в большинстве случаев еще не значит дать этимологию соответствующего русского, польского или сербского слова. В то же время сложность развития романских форм как раз ограничивает романскую этимологию вопросом выяснения отншений романских форм к латинской, на чем собственно романская этимология прекращается (здесь имеется в виду исконная романско-латинская лексика). В этом нужно усматривать коренное отличие романской этимологии от славянской. Славянская этимология, конкретно этимология русских, польских, сербских и др. слов, — по преимуществу этимология ретроспективная, и она не может довольствоваться констатацией общеславянской праформы, прозрачной для большинства случаев, но обязательно предполагает выход в родственные индоевропейские языки. Одним словом, в собственно славянской этимологии мало реальной представляется деятельность такого ученого, как Я. Малькиль, который весьма плодотворно занимается испанской этимологией исключительно в охарактеризованных рамках, т. е. практически — без выхода в другие индоевропейские языки². Этим различием должна объясняться, на наш взгляд, несравненно бо́льшая пропорция не только общеславянской, но также индоевропейской этимологии в этимологическом словаре любого из славянских языков. Совершенно очевидно, что существенной частью славянской этимологии является выяснение славянских словообразовательных связей; полная надежность этой стороны сообщает этимологии значительную вероятность.

Таким образом, в вопросе относительно рамок словарной статьи сравнение с романскими этимологическими словарями показательное. Этимологические словари французского, испанского и других романских языков и в этом резко отличаются от латинского этимологического словаря. Если мы обратимся к славянским словарям, мы сразу отметим отсутствие сколько-нибудь принципиальных различий между словарем Э. Бернекера и словарями отдельных славянских языков: установки, сравнительный фон, этимологическая часть у них в значительной степени совпадают. Новый русский этимологический словарь М. Фасмера в принципе уделяет почти не меньше, чем словарь Э. Бернекера, внимания общеславянским сравнениям и индоевропейской этимологии. Следовательно, если в вопросе построения общеславянского этимологического словаря в целом сравнение с романской этимологией, в частности с латинским этимологическим сло-

¹ H. Schuchardt, *Romanische Etymologien*, II, «Sitzungsberichte der Wiener Akad. der Wiss.», Bd. 141, 1899.

² Ср., например, Y. Malkiel, *Studies in the reconstruction of Hispano-Latin word families*, Berkeley—Los Angeles, 1954: I—The Romance progeny of Vulgar Latin (*re*)pedare and cognates.; II—Hispano-Latin *pedia and *mania.; III—The coalescence of *expedire* and *petere* in Ibero-Romance. Автор указывает, что «хронологически ядро этой монографии составляет реконструкция лексических форм и значений, вторично развившихся или существенно видоизмененных в провинциальной вародной латыни» (стр. III).

варем, очень поучительно демонстрирует недостатки существующей формы славянского словаря, то в вопросе построения словарной статьи этимологического словаря отдельного славянского языка констатируемое отличие от практики французского этимологического словаря представляется необходимым и закономерно отражает специфику славянской этимологии.

Объем этимологического словаря отдельного славянского языка; вопросы теории этимологического словаря отдельного славянского языка; лексическая дифференциация; ее древний характер; значение этимологического словаря отдельного славянского языка

6. Среди вопросов построения этимологического словаря отдельного славянского языка заслуженным интересом пользуется вопрос об объеме словаря. О существующих на этот счет мнениях лучше всего говорят установки, которым следуют сами авторы словарей. А. Брюкнер пишет в предисловии к своему словарю: «Работа не охватила всех слов: из иноязычных исключены все новые европейские, относящиеся к моде, спорту, искусству и политике, к промышленности и технике; из исконных — все слишком специальные, относящиеся к естествознанию, медицине, ремеслу, и носящие местный характер, диалектные или искусственные, преимущественно из студенческого жаргона, или непристойные. Тем самым словарь ограничивается средним литературным языком»¹. Ф. Славский сообщает, что его словарь «объясняет прежде всего так называемые праслова, т. е. слова, имеющиеся и в других славянских языках, часто — общеславянские. Его задача — дать полный обзор основных общеславянских слов в современном польском языке... Из иноязычных слов учитывается только древнейший слой, который в среднем лингвистическом сознании часто уже не считается заимствованным»².

Очевидно, что А. Брюкнер, ограничивая определенным образом рамки словаря, все же считал необходимым отразить в нем многообразие лексики. В то же время Ф. Славский подчиняет свой словарь несколько более жесткой схеме. Концепция словаря А. Брюкнера, как нам кажется, более продумана в деталях и в целом. Можно спорить с обоими авторами, но с Ф. Славским следует, по нашему мнению, спорить по принципиальному вопросу, тогда как А. Брюкнеру приходится возражать скорее по частным вопросам. Не следует думать, что этимологический словарь должен отражать только исконную и древнюю лексику, иными словами — основной словарный фонд, как предлагал М. Н. Петерсон³. К слову сказать, Ф. Славский неудачно оперирует понятием «праслов», т. е. «слов, имеющихся и в других славянских языках» (см. выше.) Этимология славянских языков знает немало «праслов», известных только одному из славянских языков, и это весьма существенно, поскольку имеет прямое отношение именно к специфике этимологических словарей отдельных славянских языков; но к этому вопросу еще придется вернуться ниже. Недавно опубликовавший свои наблюдения над новыми этимологическими словарями славянских языков В. Полик считает, что теоретически этимологический словарь чешского языка должен содержать все слова чешского языка⁴. Тех авторов, которые по традиции вносят обычно в словарь лишь местные слова и старые заимствования, В. Полик упрекает в незнании этимологи-

¹ A. Brückner, Słownik etymologiczny języka polskiego, Kraków, [1927], стр. IX.

² F. Sławski, Słownik etymologiczny języka polskiego, zes. 14. Kraków, 1952, стр. 5.

³ М. Н. Петерсон, указ. статья, стр. 77.

⁴ V. Polák, Nad novými etymologickými slovníky slovanskými, «Rocznik slawistyczny», t. XVIII, cz. 1, 1956.

ческой проблематики новых культурных слов. Он указывает, например, на то, что Ф. Славский не приводит слов *aksamit*, *alun*, *aloes*, *aras*, *arena*, *armata*, *bardysz*, *bazant*, которые есть даже у Э. Бернекера. Напротив, М. Фасмер необычайно расширил свой словник, в том числе — за счет большого количества заимствованной топонимики.

Попытаемся охарактеризовать объективные критерии, на которых, по нашему мнению, должен строиться этимологический словарь данного языка. К этимологическому словарю подходит определение словаря-справочника, который, как говорил Л. В. Щерба, вовсе не призван отражать единого языкового сознания (в отличие от нормативных словарей), но объединяет слова, принадлежащие разным эпохам и нуждающиеся в объяснении¹. Требование исчерпывающей полноты, которое естественно предъявить к этимологическому словарю-справочнику, вряд ли вызовет принципиальные возражения. Здесь опять нельзя не согласиться со справедливым заявлением Л. В. Щербы, что «...всякий краткий словарь вызывает у серьезных людей в конце концов раздражение, так как он всегда оказывается недостаточным во всех тех случаях, когда словарь действительно нужен»². Правы те, кто предъявляет к этимологическому словарю максимальные требования, ибо если то или другое редкое, неупотребительное слово не найдет отражения в таком словаре, где же его подлинное место? Несомненно, однако, и то, что эта точка зрения нуждается в уточнении. Составитель этимологического словаря должен, по-видимому, избрать вариант в известном смысле компромиссный, основанный, с одной стороны, на наиболее широком представлении всех форм, имеющих хождение в языке и нуждающихся в этимологическом объяснении, с другой — и пержде всего — на учете фактов генетического родства, так как в конечном счете этимологический словарь основывается именно на отражении этого родства. Сочетание обоих названных принципов способно с достаточной степенью объективности отражать этимологию данного языка в наиболее полном значении этого слова.

Со стороны построения «Русский этимологический словарь» М. Фасмера³ в основном отвечает описанным максимальным требованиям, если, к тому же, сделать скидку на те несколько индивидуальные моменты, которые объясняются кругом преимущественных интересов автора (довольно обширное включение топонимики, этнонимов, вообще — собственных имен). Лишними с точки зрения изложенных принципов в словаре М. Фасмера окажутся разные искусственные образования и аббревиатуры, например: «*Путеводиус* „фантастическая звезда, указывающая дорогу“, у С. Михалкова («Новый мир», 1945, № 9, стр. 47). Искусственное латинизированное образование от *путеводитель* или *путеводная звезда* и т. п. по аналогии имен вроде *Сириус*» (т. II, стр. 468); *летнаб* из *летчик-наблюдатель* (т. II, стр. 36); *СССР* (т. II, стр. 712). Словник М. Фасмера отличается, можно сказать, исчерпывающей полнотой. Конечно, и здесь можно говорить о пропусках, как известно из опубликованных рецензий на словарь, но это лишь единичные, случайные пропуски, а не десятки слов, не удовлетворявших схеме автора, что отмечается для других подобных словарей. Из пропусков, которые мы можем указать дополнительно, здесь назовем отсутствующие в словаре *дикобраз*, *лётка*, *холудина*. Заметим, что существуют различные затруднения, стесняющие достижение полноты объема в справочнике такого типа, как этимологический словарь отдельного язы-

¹ Л. В. Щерба, Опыт общей теории лексикографии, ИАН ОЛЯ, 1940, № 3, стр. 89—90.

² Там же, стр. 106.

³ M. V a s m e r, Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I, II, III (Lief. 19—22), Heidelberg, 1953—1957.

ка (например, русского). Сюда относятся непристойные слова, которые являются весьма древними образованиями и представляют значительный интерес в этимологическом отношении. Этим словам посвящена обширная литература, и они отражены с соответствующими нужными пояснениями в словаре М. Фасмера. Но все дело в том, что и словарь, и упомянутая литература представлены на других языках (главным образом на немецком), так что вопрос об однозначности этих слов практически не стоит; в русской же этимологической литературе нам не приходилось встречать справок о соответствующих словах.

7. Может показаться, что составленный таким образом полный этимологический словарь языка будет очень разнородным и хаотичным в отношении состава и, следовательно, окажется ниже с методологической точки зрения, чем, например, словарь «упорядоченный», отражающий основную, древнейшую лексику. Действительно, этимологический словарь-справочник данного языка есть собрание разновременного «языкового материала», употребление определения Л. В. Щербы, в то время как нормативный словарь представляет «языковую систему»¹. Однако даже собранный таким образом «языковой материал» явится одноплоскостным отражением многих сменявших одна другую «языковых систем», т. е. отнюдь не хаотическим с точки зрения соотношения частей. Наиболее устойчивые и характерные тенденции обязательно найдут здесь отражение, пусть в смещенном виде. В данном смысле, возможно, показателен опыт учета — в известных границах точности — соотношения основных частей «языкового материала» (в нашем случае — этимологического словаря отдельного языка). Это имеет прямое отношение к старому вопросу лексической дифференциации языков, связанных общим происхождением из одного пра-языка.

Нам представляется ясным в данной связи, что вопрос лексической дифференциации родственных языков — вопрос органический, генетический. Последнее важно для определения нашей позиции по отношению к неорганическим средствам упомянутой дифференциации, которые часто рассматриваются исследователями в общем плане лексической дифференциации. Роль неорганических (заимствованных) средств дифференциации действительно велика, но заимствования, главным образом поздние, занимают особое место, что, кажется, общепризнано. Вряд ли возможно поэтому приводить среди примеров древней лексической дифференциации отдельных польских диалектов такие слова, как *magazyn, malwa, marzec, maszynista, mechanik, medytować, mirt, misja, misjonarz, monopol, monstancja, mundur, musztra, muzyka* и под.²

Средний тип этимологического словаря, как нам кажется, удачно подходит для проверки указанных положений, если учесть первостепенное внимание составителей к фактам лексики, при естественном опущении прозрачных фактов морфологии. Наблюдения и основанные на них выводы интересны, во-первых, потому, что они относятся к проблеме лексической дифференциации и, во-вторых, потому, что позволяют более определенно судить о возможном характере этимологического словаря отдельного славянского языка.

8. Памятуя полезное указание, что «каждое исследование должно будет оперировать точными величинами (préciser), если оно занимается особен-

¹ Л. В. Щерба, О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании, ИАН СССР, Серия VII— Отд-ние обществ. наук, 1931, № 1, стр. 115.

² См. Н. Olesieńska, Kilka uwag o wzajemnych stosunkach ilościowych w słownictwie gwar polskich, «Język polski», t. XXXVI, zesz. 4, стр. 297.

ностями лексики или словаря»¹, предлагаем ниже результаты подсчетов состава нескольких этимологических словарей. Точность подсчетов, естественно, должна колебаться, как уже говорилось выше. Главное, что нас интересует, — это отражение лексической дифференциации, причем мы понимаем ее скорее в генетическом плане (см. выше).

У Брюкнера:

Общеславянских слов (и ранних заимствований)	2217
Западославянских слов	71
Польских слов	91
Поздних заимствований	2283
Экспрессивных, звукоподражательных, неясных по происхождению слов	320
Собственных имен	97

У Славского²:

Общеславянских слов (и ранних заимствований)	669
Западославянских слов	18
Польских слов	7
Поздних заимствований	374
Экспрессивных, звукоподражательных, неясных по происхождению слов	151
Собственных имен	=

У Голуба — Конечного³:

Общеславянских слов (и ранних заимствований)	2026
Западославянских слов	121
Чешских слов	177
Поздних заимствований	1775
Экспрессивных, звукоподражательных, неясных по происхождению слов	394

У Фасмера⁴:

Общеславянских слов (и ранних заимствований)	3191
Восточнославянских слов	72
Русских слов	93
Поздних заимствований	6304
Экспрессивных, звукоподражательных, неясных по происхождению слов	1119
Собственных имен и этнонимов	818

Попытки статистического учета степени относительной эволюции отдельных сторон языка известны давно. Например, основоположник так называемого количественного метода Я. Чекановский пытался применением этого метода при освещении истории польского языка на фоне праславянского показать, что древнейшее состояние меньше всего сохранилось в современной лексической дифференциации польских диалектов сравнительно с фонетической и морфологической дифференциацией. В связи с этим Я. Чекановский неоднократно выдвигал следующее общее поло-

¹ P. Guiraud, Les caractères statistiques du vocabulaire. Essai de méthodologie, Paris, 1954, стр. 55.

² В рамках первых четырех выпусков словаря.

³ J. Holub — F. Kopečný, Etymologický slovník jazyka českého, Praha, 1952.

⁴ Bd. I, II, III (1—22) Lief. 1—4.

жение: «в морфологических явлениях отразилась наиболее древняя дифференциация, в лексических — самая младшая, в то время как фонетические явления дают нам картину промежуточного периода»¹. Подобное утверждение в такой общей форме вызывает принципиальные возражения. Относительно морфологических явлений факты говорят о возможнострированное Р. Бошковичем развитие новых морфологических черт, общих только словенскому и сербо-хорватскому языкам, т. е. предполагающих поздний период, как, например, суффикс *-ha*². С другой стороны, подсчеты показывают, сколь невелик процент основных лексических отличий каждого славянского языка в отдельности, которые подтверждали бы мысль о поздней продуктивности лексической дифференциации. Напротив, сохранение в отдельных славянских языках, наряду с огромным большинством общеславянской лексики, также небольших, но весьма характерных групп древней по виду лексики, не обнаруживающей общеславянского характера и вместе с тем исконной (примеры см. ниже), говорит скорее о том, что лексическая дифференциация может отражать древние отношения.

Т. Лер-Сплавинский придает лексическим фактам решающее значение в вопросе древнейших диалектных связей индоевропейского языка. Так, 94 германо-славянских лексических параллели при 52 германо-балтийских приводят его к выводу о более тесных связях и древнейшем соседстве германской и славянской групп. Точно так же 55 славяно-арийских соответствий в лексике при трех балто-арийских свидетельствуют, по его мнению, о близости праславянских территорий к арийским³. Я. Чекановский, анализируя в свою очередь материалы Т. Лер-Сплавинского, отмечает, что в вопросах родства языков словарные данные представляют в целом менее яркую, хотя и правильную картину; на сей раз он не отрицает доказательной силы лексических отношений в древний период⁴. Однако следующий за этим уже известный вывод об отражении в словаре наиболее поздней дифференциации плохо вяжется с предыдущими рассуждениями Я. Чекановского, в которых он исходил как раз из оценки данных лексики как показателей древней дифференциации славянского и балтийского языков. «Хотя, несмотря на неоднократные попытки, мне не удалось заинтересовать лингвистов этими интересными закономерностями, я полагаю, что и здесь (в вышеупомянутых лексических соотношениях праславянского. — О. Т.) мы стоим перед лицом факта, что в грамматических данных отразились более древние отношения, а в словаре — более поздние»⁵.

Выше уже указывалось на ошибочность столь общего утверждения. Но было бы неверно искать какое-то абсолютно противоположное решение. В обоих случаях прямым результатом было бы искаженное освещение отдельных моментов истории языка. Очевидно, нужен разносторонний учет отношений внутри системы языка. Лексическая дифференциация от-

¹ J. Czekanowski, Różnicowanie się dialektów prasłowiańskich w świetle kryterium ilościowego, «Sborník prací I. Sjezdu slovanských filologů v Praze», t. II, 1932, стр. 486; ср.: его же, Wstęp do historii Słowian, Lwów, 1927, стр. 142—155 (2-е изд. — Poznań, 1957, стр. 283); его же, Polska synteza slawistyczna w perspektywie ilościowej, Kraków, 1947, стр. 40—41.

² Р. Бошкович, Развитие суффикса у јужнословенској језичкој заједнице, «Јужнословенски филолог», књ. XV, 1936, стр. 1—154.

³ T. Lehr-Splawinski, O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian, Poznań, 1946, стр. 42—43.

⁴ J. Czekanowski, Polska synteza slawistyczna w perspektywie ilościowej, стр. 38—40.

⁵ Там же, стр. 40—41.

нюдь не является наиболее поздним продуктом не только относительно распада славянского единства, но и относительно, например, балто-славянского периода. Интересное нижеследующее высказывание Я. Чекановского согласуется скорее с этой нашей мыслью, чем с ходом его предыдущих рассуждений: «...комплексы грамматических особенностей и слов, общих для балтов и славян, образуют старшую фазу, даже в сравнении со специфическими особенностями архаических балтийских языков, а специфические особенности славянских языков отражают самые младшие отношения...»¹. Разве можно в этой связи говорить, что словарные данные вообще моложе грамматических? Разумеется, балто-славянские лексические связи старше специфически славянских или балтийских морфологических явлений.

В общем следует принять, что в отдельных славянских языках, например в польском, хорошо сохранилась большая часть праславянской лексики². С другой стороны, польский словарь сохранил также небольшую группу характерных древних слов, присущих только польскому или только западнославянским языкам (распространение таких слов может в отдельных случаях наблюдаться лишь в части языков западнославянской группы, как бы отражая следы древних диалектных различий). Сохранение этих различных элементов словаря позволяет смотреть на лексику как на нечто устойчивое и рано сложившееся в целом, а на лексическую дифференциацию — как на показатель древних делений и различий.

9. Так как выше в общей форме уже говорилось о лексической дифференциации, позволим себе привести ниже ряд конкретных примеров, которые нам представляются чрезвычайно важными в сфере лексической дифференциации с точки зрения этимологического словаря отдельного славянского языка. В понятие лексической дифференциации можно, очевидно, вкладывать довольно широкое содержание, если привлекать сюда также заимствования самого позднего времени. Нежелательность такого широкого понимания сказывается в далеком идущем выводе о позднем характере лексической дифференциации вообще. Поэтому отсечение большой массы явных поздних заимствований позволяет лучше понять характер лексической дифференциации и связанную с ней роль этимологического словаря отдельного славянского языка.

Если начать с русского языка, то следует сразу указать, что речь идет не о различиях типа вост.-слав. *хороший*, *сорок* или русск. *лошадь*, которые в учебных пособиях всегда приводят в первую очередь как наиболее характерные. Как раз эти слова менее всего интересны, потому что они либо имеют славянскую этимологию (*хороший*: *хоронить*; правда, некоторые считают *хороший* иранизмом), либо заимствованы (*сорок*, *лошадь*). Здесь интересны древние диалектизмы, не имеющие других славянских соответствий, но зато располагающие вероятными соответствиями в других индоевропейских языках. При этом, естественно, наибольшего доверия заслуживают соответствия в ближайших индоевропейских языках, например балтийских, хотя возможны исключения. Есть неясные слова, имеющие, однако, древний вид, например:

Из русского словарного состава:

русск. (вост.-слав.) *багáтье* «огонь под золой»: греч. *φῶω* «жарить»;
багор: англо-сакс. *бесса* «мотыга»;
вадёнъ, белорусск. *вадзёнъ* «овод»: литовск. *uodas* «комар»;

¹ Там же, стр. 41.

² См. Т. Лер-Сплавинский, Польский язык, М., 1954, стр. 63—64.

верну, др.-русск. *вьрну* «*рву*»: литовск. *verpiù*, латышск. *vèrpi* «*приду*»;
глубда «ком»: нем. *Kloß* — то же;
глубкий «гладкий, скользкий»: литовск. *glaudùs* «гладкий, плотно прилегающий»;
глубд «ум», также укр.: др.-исл. *gloggr* «умный»;
глубба: лат. *glēba* «земля»;
дороб «короб, сито», укр. *доробáило* «сито», русск. *доробить* «гнать»: литовск. *darbas* «плетенка», др.-инд. *drbhāti* «плетет»;
затя: латышск. *tievēt* «стремиться»;
жуткий литовск. *žudyti* «убивать»;
жень «ремни бортников»: литовск. *genų's* — то же;
корзина: латышск. *kuřza* «коробка»;
клеклый, *клекнуть* «слежаться»: литовск. *suklėkęs*, *klėkti* — то же;
кишеть: литовск. *kušėti* «двигаться, шевелиться»;
куст: литовск. *kūokštas* «куст»;
коромысло: литовск. *kárti* «вешать»;
лэвию, укр. *лэю* — то же;
мизгирь «паук»: литовск. *mezgù*, *mėgsti* «вязать», нем. *Masche* «петля»;
овин, белорусск. *ёена* — то же: литовск. *jáuja* «овин», *jaua* «хлеб»;
росомáха < **соромаха*: литовск. *šermiū* «горностай»;
ютить;
яглый «быстрый, резкий», литовск. *įėgti* «быть в состоянии, мочь».

Из словарного состава западнославянских языков:

чеш. *bedla*, польск. *bedła* «род гриба»: литовск. *budelė* — то же;
чеш. *dbāti*, польск. *dbać* «заботиться»;
чеш. *hlemýžď* «улитка»: латышск. *glemezis*;
чеш. *kmen* «род, племя; основы»;
чеш. *koumati* «исследовать, наблюдать»;
чеш. *kouzlo* «волшебство, чудо»;
польск. *kpić* «насмехаться, издеваться»;
чеш. *krb* «очаг»;
в.-луж. *křida*, н.-луж. *kšida* «сито»: лат. *cribrum* — то же;
чеш. *klesnouti* «упасть, свизиться», польск. *klęsnąć* «пасть», *klęska* «падение, поражение»;
литовск. *klemšioti* «неуклюже передвигаться»;
чеш. *pán*, польск. *pan* «господин»;
чеш. *patřiti* «смотреть; принадлежать», польск. *patrzyć* «смотреть»;
чеш. *pouhý* «простой»;
чеш. *šetřiti* «беречь», польск. *szatrzyć*: латышск. *skatīt*;
чеш. *trvati*, польск. *trwać* «продолжаться, длиться»: др.-инд. *turvati* «побеждает».

Из словарного состава южнославянских языков:

болг. *бърна* «губа»: литовск. *burnà* «рот»;
болг. *гъбел* «щекотанье»: герм. **kutilōn*, нем. *kitzeln* «щекотать»;
болг. *лош* «плохой», словенск. *lōšen*;
болг. *чътав* «целый, невредимый», серб. *чътав* «целый, цельный»: литовск. *kietas* «твердый»;
серб. *хрѣд* «скала, утес».

Совершенно очевидно, что место указанных древних диалектизмов и многих им подобных — в этимологическом словаре отдельного славянского языка. Полный учет этих важных слов и всесторонняя их характеристика, а также этимологические связи представляют одну из важных задач словарей упомянутого типа. Сведение всех подобных слов к гипотетической праславянской форме в общеславянском этимологическом словаре типа Бернекера не только нежелательно, но сплошь и рядом даже трудно заранее предвидеть, насколько оно чревато ошибками. В словаре Э. Бернекера анахронизм возможен всякий раз, когда форма, достоверно известная только в одном славянском языке, обобщается и предлагается как общеславянская, с возведением к общеславянской праформе: *glěmyždъzъ* —

чеш. *hlémýžď*; *golme* — русск. *голомя*. Чем сложнее в таких случаях реконструкция общеславянской праформы, тем возможнее становится вероятность ошибок и натяжек. Болг. *káram* «гоною, везу, еду», совершенно неизвестное другим славянским языкам, хотя, по-видимому, древнее слово, Э. Бернекер помещает под общеславянский праформой *karajǫ, karati* (стр. 488). Однако условность этого объяснения слишком очевидна ввиду омонимичности с достоверным славянским итеративным глаголом *karajǫ* «караю, наказываю».

10. На основании изложенного можно сделать некоторые общие выводы. Последние десятилетия ознаменованы прежде всего появлением этимологических словарей отдельных славянских языков — русского, польского, чешского, болгарского — и подготовкой новых словарей для языков, ранее не имевших этих словарей: словацкого, сербо-хорватского, полабского, что отнюдь не является случайностью. В силу известной специфики славянского языкового развития этимологический словарь отдельного славянского языка является аспектом общеславянского этимологического словаря, удобным ввиду наименьшего момента гипотетичности по сравнению с общеславянским этимологическим словарем как таковым. Расплывчатые и обычно весьма схематические представления о первичной славянской лексике, беспомощность в тех случаях, когда речь идет о несомненно древних, но не полно засвидетельствованных словах, заставляют считать наиболее реалистическим типом именно этимологический словарь отдельного славянского языка. При этом опасность необоснованных обобщений, натяжек, хронологических смещений значительно сокращается.

Необходимость подробных этимологических словарей для каждого славянского языка совершенно очевидна. При отсутствии же таких словарей сведения по истории и этимологии отдельных слов могут носить весьма искаженный, фантастический характер даже у серьезных исследователей. Так, Э. Бернекер указывает, хотя и неуверенно, для укр. *кб́дло* «отроде, род» праславянскую форму **kъdъlo* (стр. 658); К. Оштир сближал укр. *кб́дло* со слав. *čědo, čado*, основываясь на их семантической близости. И только когда мы узнаем у М. Фасмера (т. I, стр. 588), что укр. *кб́дло* — поздняя местная форма, заимствованная из польск. *godło* «герб», мы понимаем всю беспочвенность прежних этимологий.

Значение этимологического словаря отдельного славянского языка становится еще более очевидным, когда речь идет о лингвистической географии, о точных данных географического распространения форм, которые могут также решить судьбу той или иной этимологии. Это хорошо показал Ф. Славский на примере старого польск. *grędo* «рысью», диал. *grędo* «быстро», которые не относятся к ст.-слав. *гpъдъ* «иду», как думал наряду с другими Э. Бернекер, но вместе с целым рядом кавалерийских терминов заимствованы из немецкого; ср. ср.-в.-нем. *gerant* «причастие от *rennen* „бежать, гнать, быстро ехать“»; ср. также ограниченное распространение современного диал. *gręda* (Кашубия, Мазовше, Познанское воеводство)¹. Слово *gręda* и его этимология должны быть отражены только в польском этимологическом словаре.

Проблемы славянской этимологической лексикографии многообразны. Она нуждается в различных формах, но наиболее реальной вообще, а на данном этапе — просто необходимой является форма полного этимологического словаря для каждого из важнейших славянских языков в отдельности. В заключение стоит вспомнить, как правильно говорил об этом А. Мейс почти пятьдесят лет назад, касаясь включения Э. Бернекером

¹ F. Sławski, Z doświadczeń przy pracy nad słownikiem etymologicznym języka polskiego, «Język polski», t. XXXVI, zesz. 4, стр. 279.

в свой словарь разнородных и поздних слов отдельных славянских языков: «Правда, зато мы получаем практически почти полный этимологический словарь главных славянских языков. Но это всего лишь видимость: этимологический словарь должен, чтобы быть полезным, показывать собственную историю каждого слова в каждой группе; этого можно достигнуть только в словаре, посвященном каждому языку. Этимологический словарь общеславянского языка, издаваемый г-ном Бернекером, подготавливает составление этимологических словарей болгарского, сербского, русского, польского и т. д.; он не смог бы заменить все эти труды, напротив, он заставляет желать их появления и показывает их необходимость. История каждого слова, диалектные формы могут быть там даны со всей нужной подробностью. И когда будут готовы все эти отдельные словари, словарь общеславянского языка приобретет такую точность, которая сейчас недостижима. Ошибочным было бы желание заменить, даже временно, эти необходимые специальные этимологические словари, скорейшее составление которых нужно стимулировать»¹.

¹ A. Meillet, указ. рец., стр. 58—59.